

Рут Ардингли выпустили из тюрьмы. Кто-то называет ее избранной, а кто-то — ведьмой. Как только женщина подходит к колодцу в своем имени, начинается дождь. Это при том, что во всей округе его не было целых три года!

Раньше все было не так. Рут и Марк переезжают из шумного Лондона в провинциальный городок. Они собираются начать жизнь с чистого листа. Но живописное место вскоре превращается в настоящий ад. Уже несколько лет здесь не идут дожди. За это время засуха сгубила все, лишь в имени Велл по-прежнему зеленеет трава и поблескивают под солнечными лучами пруды. В одном из них тонет любимый внук Рут. Женщина уверена, что ему кто-то помог умереть. Она собирается наказать преступника и готовит план мести.

Я передвинула прикроватную лампу, словно надеялась, что найду за ней оброненный амулет с розой. Вообще-то в прежние спокойные времена однофунтовые монеты вполне могли закатиться между диванными подушками, а серьга угодить между щелями в досках пола, но это не тот случай. Улегшись на живот, я с трудом просунула свои обкусанные ногти в щели между досками пола. Я лежала вниз лицом. Губы касались пыли на полу... Когда найдут талисман, до постижения истины останется всего один шаг.

www.ksdbook.ru

ISBN 978-5-9910-3682-5

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-1452-1

КЭТРИН ЧАНТЕР

ТАЙНА ИМЕНИЯ ВЕЛЛ

КЭТРИН ЧАНТЕР

ТАЙНА ИМЕНИЯ ВЕЛЛ

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

КЭТРИН ЧАНТЕР

ТАЙНА
ИМЕННИЯ
ВЕЛД

РОМАН

ХАРЬКОВ
БЕЛГОРОД
2016

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Ч18

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется с разрешения
The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd
и The Van Lear Agency LLC

Переведено по изданию:
Chanter C. The Well : A Novel / Catherine Chanter. —
Edinburgh : Canongate Books Ltd, 2015. — 400 p.

Перевод с английского *Олега Буйвола*

Дизайнер обложки *Сергей Ткачев*

ISBN 978-617-12-1452-1 (Украина)
ISBN 978-5-9910-3682-5 (Россия)
ISBN 978-1-78211-360-7 (англ.)

- © Catherine Chanter, 2015
- © DepositPhotos.com / Pink-Badger, etienjones, обложка, 2016
- © Nemigo Ltd, издание на русском языке, 2016
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2016
- © ООО «Книжный клуб «Клуб семейного досуга»», г. Белгород, 2016

*Саймону,
Кристоферу,
Джереми
и Джессике*

Чудесно небо, чудесен край,
Но знаю, что вдалеке
Лежит прекраснейшая из стран,
Омытая в воде.

Озера и реки плещутся там,
Деревья омыты дождем,
Я воздухом той страны дышал,
Свежее воздуха нет.

*А. Э. Хаусман.
Шропширский парень*

Мое имение заполучило меня обратно. Сегодняшняя ночь станет первой, которую я проведу под домашним арестом, первой... Я уже сбилась со счета... Я не смела надеяться, что мне позволят вернуться, однако, когда настала последняя ночь, которую мне предстояло провести в тюрьме, я принялась искать поддержку в снотворном и строгих тюремных предписаниях, пытаясь найти в них тень стабильности. Тюремные стены давали мне иллюзию незыблемости и спокойствия. Вредная иллюзия. Сколько бы меня ни держали взаперти, удержать призраков прошлого все равно невозможно. Когда я вернусь домой, они последуют за мной.

На протяжении трех месяцев вынужденного безделья мне в промежутках между кошмарами снилась дорога домой. Во сне я видела, как под охраной выхожу из тюремного автофургона и направляюсь в дом, как провожу пальцами по пыли, скопившейся на столешнице полукруглого столика, подаренного нам на свадьбу, как беру в руки фотографию, сделанную в тот день, когда мы впервые сюда приехали... Я перебираю пальцами комок влажной почвы и смеюсь, глядя в объектив фотоаппарата. Мне бы хотелось настезь распахнуть окна спальни, слушать, как настойчиво кричит в вышине сарыч, и, всматриваясь в изрезанные оврагами холмы вдалеке, думать о том, как же так вышло. Я поверну краны и буду наблюдать за тем, как струйка воды исчезает в сифоне сточной трубы. Я не стану молиться, писать и работать на земле. В этом я была уверена.

Вот только в реальности все вышло по-другому. Под конец мной завладела прагматическая суета отъезда. Возможно, во всем виноваты нервы. Как только меня вывезли за ворота, во рту

стало необычно сухо, а кончики ногтей принялись скрестись друг о друга. Эту привычку я поборола еще в детстве. Разглядеть что-либо вокруг, разумеется, было нельзя. Окна были затемнены. В своих фантазиях я представила себе, что под моим сиденьем лежит черный мешок, один из тех, что натягивают на головы насильников и педофилов. Его натянут мне на седеющие волосы и слезящиеся глаза. В таком мешке на голове, скрывающем преступнику лицо, тот выглядит еще более страшным. Поджидающие его выхода представители прессы довольствуются видом рук, душивших ребенка, и семенящих ног.

Мои ладони принадлежат святой или грешнице? Я принялась царапать ладони ногтями. Я надеялась добиться от них ответа.

Даже то, что меня отправляли домой, оказывается, зависело исключительно от воли судебных чиновников. Милое заявление. Если ты достаточно долго пребывала в тюрьме, то закон как бы получил свое и все могут считать себя удовлетворенными.

— Если мы согласимся на ускоренное судопроизводство, то быстро добьемся результата. Все, что они хотят, — гарантий, что с вашей стороны не будет исков за незаконное тюремное заключение. Тогда остаток срока вы проведете под домашним арестом. Сделка будет заключена.

Именно эти слова сказал мне адвокат. Я спросила у него, зачем это нужно государству. Мой адвокат принялся что-то рассказывать о переполненных тюрьмах, негативных отзывах, за сухе и научных изысканиях. Я перебила его и спросила, какая мне от всего этого польза.

— Вы вернетесь домой в Велл.

Таков был его ответ. Все просто.

* * *

Отрезок пути от женского крыла тюрьмы до ворот казался мучительно долгим и сопровождался бесконечным завыванием сирены. Продажа бензина по талонам, кажется, решила проблему заторов на дорогах в столице, вот только никто не отменил светофоры на перекрестках. Ощущения изменились, когда тюремный автофургон с неумолимой решимостью размеренно покати́л по шоссе на север. Я так хорошо успела изучить в прошлом

эту дорогу, что, когда размеренное движение сменилось покачиванием и поворотами, я поняла: автофургон едет по холмистой местности, а оттуда — в долину. Дышать сразу же стало гораздо легче, а во рту похожий на наждачную бумагу язык увлажнила долгожданная слюна. Пятнадцать минут ушло на то, чтобы медленно взобраться по дороге, тянущейся мимо церкви Литтл-Леннисфорд. Через двадцать пять минут автофургон выехал на прямой участок дороги, идущий вдоль огороженных столбиками полей, на которых выращивался хмель. Последний шанс обогнать едущую впереди машину, как мы говаривали в прежние времена. Сорок минут — и крутой поворот направо возле фермы Мартина. Автофургон, дребезжа, катил по извилистой дороге. Мы неслись к вершине холма, к вершине мира. Затем последний поворот налево. Теперь вся в выбоинах дорога вела вниз, мимо неогороженных полей, принадлежащих мне, вела в Велл.

— Почти приехали.

Слова тюремного надзирателя были лишними.

Автофургон сильно трясло на ухабах. Удивительно, что никто не удосужился их засыпать. Впрочем, мы и сами ничего с ними так и не сделали. Все эти выбоины проделали потоки воды, а Велл гордился своими лужами так, словно это были награды. Мы остановились. Решетка поползла в сторону.

— Мы выйдем на пару минут. Надо все проверить. Как вы себя чувствуете?

Очень мило с их стороны интересоваться моим самочувствием, вот только я не знала, что мне ответить. Не могу же я заявить, что чувствую себя прекрасно, после того как меня привезли в мой печально известный рай в тюремном фургоне.

— Хорошо. Спасибо.

Я сидела не шевелясь. В глубине души я не до конца доверяла неожиданному повороту в моей судьбе. Беспочвенные страхи, навеянные старыми военными фильмами, пытались выдернуть резиновый коврик из-под моих скованных ног. Вот сейчас меня вытащат из фургона, отведут к моему любимому дубу и пристрелят. Мое тело упадет бесформенной массой на прошлогодние сухие желуди и овечьи экскременты. Солдаты конвоя выбрались наружу. Двери за ними с шумом захлопнулись.

— С трудом могу поверить, — произнес женский голос уроженки графства Бирмингем. — Все случилось так, как они писали на том веб-сайте.

— Да неужели? — произнес водитель.

По тому, какую музыку он выбирал во время поездки, я поняла, что водитель интуицией явно не блещет.

— Все здесь так, как и прежде, три года назад. Поля зеленеют. Когда ты видел такую буйно зеленеющую траву?

Значит, мои поля до сих пор зеленеют.

Новые голоса. Приветствия... излишне формальные. Заговорил мужчина, по голосу молодой:

— Пообщайтесь с местными. Они говорят, что все, написанное в газетах, — правда. Когда она здесь жила, шли дожди, когда ее арестовали, наступила засуха.

— Где *это* случилось? — спросил водитель.

— Там... в лесу...

— Я из тех, кто считает эту старуху не спасительницей, а ведьмой.

— Она еще очень даже ничего как для старой ведьмы, хотя это дела не меняет.

Они, судя по всему, переместились ближе к дому, поэтому я не смогла дослушать остаток разговора. Осознав, как же просторно снаружи фургона, я ощутила приступ удушья. Затем меня начало подташнивать.

«Не сейчас», — приказала я сама себе.

Никаких больше видений. Никаких больше утопленников. Капельки пота выступили на лбу. Я попыталась поднять руку, чтобы утереть пот, забыв, что руки скованы. Меня тоже тянуло в глубину. Я не сумасшедшая. Я нагнула голову так, что она оказалась между колен. Нельзя падать в обморок. Постепенно темнота внутри фургона прояснилась, воды отступили, и я вновь стала самой собой. Послышались приближающиеся шаги по гравиевой дорожке. Задние двери распахнулись.

— Вот вы и дома, — сказала женщина. — Выходите.

Солнечный свет меня не ослепил. Линялая голубизна апрельского дня осветила убогую обстановку тюремного фургона. Так художник, смешивая краски на палитре, достигает эффекта се-

рости. Я попыталась подняться на ноги. Из-за низкой крыши пришлось пригнуться. Скованные руки я держала перед собой, словно собиралась молиться.

— Знаете что, — произнесла уроженка Бирмингема. — Садитесь-ка на край и вытяните руки вперед... Дом, милый дом! Надеюсь, кто-нибудь догадался все там у вас протереть. Когда я возвращаюсь вечером домой, большей радости для меня нет.

Женщина набрала код на кодовом замке, сковывающем мне руки и ноги.

Подошел водитель:

— Я бы на твоём месте не марал свои белые ручки в кухонной раковине.

— Я тебе вот что скажу: со всеми этими водомерами использование посудомоечной машины сейчас обходится в целое состояние, но впадать в хандру из-за этого не стоит. Так, по крайней мере, нам говорят. Мыть посуду — это почти то же самое, что принимать ванну. Во всяком случае, лучшей ванны я давно не принимала, — сказала женщина, а затем коснулась некрасивого браслета, висящего у меня на щиколотке ноги. — А это останется. Мы его называем домашней биркой.

Я сидела на краю фургона, словно ребенок. Ноги едва касались земли. Когда меня освободили от наручников, я первым делом растерла себе запястья, а затем, встав на ноги, сделала несколько неуверенных шагов. Передо мной каменный фасад дома высылся непоколебимой твердыней. Вот он, мой духовный якорь. Я повернула голову и взглянула на мои поля, которые, то поднимаясь, то опускаясь, простирались передо мной. Живые изгороди, подобно линиям энергии земли, очерчивали их контуры. Леса, подобно бархату, темнели в долинах. Чья-то рука приоткрылась к моему локтю. Я стряхнула ее, но все же последовала за тюремной надзирательницей к двери. Я уже хотела сказать ей, что мы не пользовались парадным входом, предпочитая ходить в дом через черный вход. В прошлом мы сбрасывали грязные ботинки на кафельном полу. Там над дождевиками на крючках вдоль стены когда-то висели удилища... Когда-то... Мы... я и Марк... я и мой бывший... парадный вход... задний вход... река... бывший муж... Пустые слова.

— Ну все, дальше мы не пойдем, — заявил водитель. — Дело сделано. Думаю, ваши новые друзья подойдут с вами познакомиться, когда будут подписаны все бумаги.

Мужчина махнул рукой в сторону трех вооруженных молодых людей в форме, которые как раз показались из-за ограды между домом и фруктовым садом. Теперь они стояли, повернувшись к нам спинами, и указывали друг другу руками куда-то в сторону Уэльса. Одной из причин, почему мне разрешили жить здесь под домашним арестом, очевидно, являлось то обстоятельство, что рядом со мной будут находиться солдаты, которых послали сторожить урожай.

— Хорошо, наверное, вновь оказаться дома, — сказала надзирательница.

Я кивнула, соглашаясь с ней. Впрочем, мне просто хотелось, чтобы меня воспринимали как обычного человека.

Она подождала, пока водитель отойдет к солдатам, а затем сказала приглушенным голосом:

— Никогда прежде не видывала ничего красивее. Вы, должно быть, особенная женщина, раз такое случается вокруг вас.

Я пробормотала что-то уклончивое. Я давным-давно научилась опасаться людей, которые выказывают мне знаки поклонения и восхищения.

— Извините за фургон, наручники и все прочее. Извините за все. Ничего такого не должно было с вами случиться. Надеюсь, что, вернувшись, вы обретете счастье, а еще...

— Что еще?

— Я надеюсь, что здесь снова польют дожди. И знаете...

— Да?

— Если вы еще молитесь, помолитесь за меня.

Она попыталась взять меня за руку. Я видела, что женщина плачет. Слезы плохо сочетались с молитвами в Велле. А еще мне казалось, что слез здесь в будущем будет гораздо больше, чем молитв. Я отпрянула. Секунду она стояла, глядя на свои пустые ладони, затем резко развернулась и широкими шагами направилась к тюремному фургону. Забравшись в него, надзирательница громко хлопнула за собой дверцей. Потянувшись всем телом, она нажала на клаксон. У ограды водитель что-то набирал на

своим мобильном телефоне. Он небрежно отдал солдатам честь, а затем, прежде чем вернуться к фургону, наклонился, словно хотел поднять оброненную вещь, но вместо несуществующей вещи взял пригоршню земли и посмотрел на нее так, как смотрят на грунт только садовники. Подняв глаза, водитель увидел, что солдаты наблюдают за ним. Отбросив землю в сторону куста живой изгороди, мужчина рассмеялся, отряхнул руку о форменные штаны цвета хаки, залез в автофургон и завел двигатель. Машина просигналила и дала задний ход, отъехав к дубу.

— Не волнуйтесь, парни! — крикнул он в окно солдатам. — Мы молимся за вас, пока вы стоите на страже!

Надзирательница сидела рядом с ним и смотрела прямо перед собой. Фургон уносил ее прочь. Водитель включил музыку. Машина скрылась из виду, оставив за собой тишину, меня и трех солдат. Они стояли и пинали тяжелыми берцами ограду. Один прикурил сигарету. Мне вдруг вспомнилась одна фотография, сделанная в России во время Второй мировой войны: двое молодых людей вот так же стоят на фоне пустынного пейзажа и вглядываются в даль, ожидая оттуда спасения. Вот только наш враг сильно отличается от врага, с которым пришлось иметь дело им. Я стояла на пороге своего дома. Ноги дрожали от слабости.

— Я могу войти? — крикнула я и тотчас же пожалела об этом. Уж слишком жалко прозвучал мой голос. — Я хочу спросить: все ли формальности соблюдены?

Троица одновременно обернулась, словно удивленная тем, что я с ними заговорила. Самый низкорослый из них вдруг стал подчеркнута деловит. Такое часто случается с теми, кто недавно обрел некоторую власть над другими людьми. Коротышка зашагал ко мне. Двое других заметно отстали.

— Да, необходимо кое-что просмотреть, существуют определенные правила... — натянуто произнес солдат. — Было бы удобнее сделать это...

— ...за кухонным столом, — предложила я.

— Да... это было бы хорошо... Я подойду через час.

— Возможно, вам придется немного постучать, а то я, чего доброго, позабуду.

— Мы имеем право входить без стука, — ответил коротышка.

Тощий парень из тех, что стояли в отдалении, пошутил что-то насчет выпивки в шесть часов. Я так и не поняла смысла его шуток, но в ответ все равно улыбнулась. *Pour encourager les autres*¹.

Кто я теперь такая? Я стараюсь действовать согласно старым привычкам.

Подобно пугливой невесте, я, собравшись с духом, переступила порог дома. Сбросив с ног туфли, я прошла на кухню. От прежнего беспорядка не осталось и следа. Я повернула кран с холодной водой только ради того, чтобы удостовериться в ее наличии, а затем наполнила металлический чайник. Пока вода закипала, я взяла в руки любимую чашку, любуясь тщательно выполненным рисунком. В водах фарфоровой реки плавал хариус, радужная форель и окуньки, заплывая даже на ручку. Кончиком пальца я стерла осевшую на ободке пыль. Не особо задумываясь о том, что делаю, я подошла к холодильнику, который, судя по всему, работал вполне исправно. За прошедшие годы недостатка в сильных ветрах не наблюдалось. Если есть ветер, то, значит, работает турбина. Если работает турбина, то, значит, работает насос. Если работает насос, то, значит, есть вода... вода, но не молоко. Терпеть не могу порошковое молоко. У него вкус города. Из-за засухи появилось множество заменителей в продуктах питания. Без воды не растет трава, а значит, нет коров, которые дают молоко. Мы планировали завести корову на третий год, но не случилось.

Почти ничего не осталось от запасов, которые Матушка Хаббард² прежде хранила в своем кухонном шкафчике. На длинном столе стояла наполовину полная коробочка с чайными пакетиками. Я взяла один. Сидя за пустым кухонным столом, я водила кончиками пальцев по фактуре древесины. Гробовая тишина. Я дрожала. Огонь в печке «Рейберн» не горел. Я решила, что будет лучше немного протопить дом, вот только спичек в левом выдвижном ящике стола, где они всегда лежали, не оказалось. Я понятия не имела, где их теперь искать в доме. С легкостью

¹ Для поощрения других (*фр.*).

² Аллюзия на популярный детский стих. (*Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.*)

признав свое поражение, я перешла в гостиную. Окно было плотно зашторено. Я чуть-чуть раздвинула шторы. В гостиную проник тонкий лучик света. Оставив все как есть, я прошла к лестнице. Когда моя нога опустилась на нижнюю ступеньку, я совершила ошибку, подняв голову вверх. Для меня сейчас лестница показалась слишком высокой.

Обивка дивана была влажной на ощупь. На столике лежала вчерашняя газета. Круг от чашки из-под кофе остался на лице у обнаженной по пояс фотомодели. «Одежда на случай засухи». На противоположной странице разворота размещалась фотография бледной женщины со впалыми щеками. Она чем-то напомнила мне Энджи, хотя дочь, я уверена, не пришла бы в вос-торг, узнай, на кого она похожа. Я принялась листать страницы, словно сидела сейчас в гостиной и ожидала прихода подруги, которая будет утешать меня в моем горе.

Меня позвали по имени. Я, помедлив, ответила. Несколько секунд я сидела и не могла понять, кто же эти мужчины, которые сгрудились у раковины и забрызгали водой всю кухню, пока я си-дела прямо на стуле, ощущая, как дерево стула впивается в мои лишённые жировых отложений бедра. Эти мужчины ведут рас-следование? Нет, это случилось давным-давно. В тот раз ко мне приходили полицейские, а не эти здоровенные мальчишки-солдаты.

Рука без обручального кольца на пальце положила коричневую папку с моим именем на стол. Солдат открыл лэптоп и ввел па-роль. Голос сообщил мне, что его долг — напомнить мне мой правовой статус, причины появления этого статуса, природу это-го статуса и мои права, вытекающие из моего правового статуса.

Рут Ардингли приговаривается к домашнему аресту в со-ответствии с Законом о чрезвычайном положении, вызван-ном засухой, раздел 3. Задержание и ограничение в свободе перемещения лиц, виновных либо с большой степенью веро-ятности подозреваемых в действиях, направленных на не-законный захват либо злоупотребление товарами и услугами первой необходимости, особенно виноватых в незаконном отчуждении питьевой воды, воды для орошения, производ-ства либо торговли, за исключением случаев, указанных

в разделе 4 Закона о чрезвычайном положении, вызванном засухой.

Лично меня это, признаюсь, сместило. Я была, пожалуй, единственной подданной ее величества, которая, не нарушая ни одного закона, имела свободный доступ к воде в любых нужных объемах. Впрочем, судья и жюри присяжных, судя по всему, не обладали моим чувством юмора. Еще меньше забавного было в том, что срок содержания под стражей характеризовался как «неопределенный, но подлежащий судебному пересмотру через означенные периоды времени». Все мои вопросы, что же это может означать на практике, остались без ответа.

Рут Ардингли также признана виновной в следующих правонарушениях в соответствии с Законом о чрезвычайном положении, вызванном засухой, подпадающих под действие ускоренного судопроизводства, а именно:

1) в том, что Рут Ардингли умышленно вызвала несколько пожаров с целью причинения серьезного увечья либо смерти;

2) в том, что Рут Ардингли халатно отнеслась к своим обязанностям, что повлекло за собой смерть несовершеннолетнего.

Я закрыла уши руками. Я не хотела слушать. Не нужно, чтобы мне все это говорили. Вот только коротышка никак не унимался.

В соответствии с гражданским законодательством, действующим после принятия Закона о чрезвычайном положении, вызванном засухой, недвижимое имущество, известное как Велл, остается местом жительства Рут Ардингли, но в соответствии с Законом о жилье 70/651 вышеназванная Рут Ардингли соглашается на то, чтобы ее собственность временно использовалась в целях исследования, в том числе для сбора образцов почвы, выращивания сельскохозяйственных культур, управления процессом и сбора урожая. Также разрешается бурить скважины и брать образцы

воды, но не выкачивать ее в соответствии с Законом о добыче и использовании (с внесенными поправками), собирать и проводить анализы дождевой воды без права ее дальнейшего использования в каких-либо иных целях.

Несмотря на мелкий шрифт моего договора с Фаустом, было совершенно ясно: они не заполучили Велл. Я смогла этого добиться. Велл — мой. Несмотря на колючую проволоку, вертолеты и людей в коричневой униформе, имение все же осталось моим, по крайней мере частично. Еще не ясно, что случилось с долей Марка.

— Таков юридический статус. Вопросы есть? — спросил коротышка.

Немного расслабившись, я пожала плечами. Тогда коротышка уступил место безымянному толстячку, который принялся оповещать меня о всех деталях моего домашнего ареста. Он читал медленно, часто делая паузы невпопад. Видно было, что ему и самому трудно найти смысл в бесконечной череде предписаний. Мне казалось, что я слушаю речь на каком-то иностранном языке. Впрочем, главное я сумела понять: теперь они — мои тюремные надзиратели, приставленные следить за мной в собственном доме. Слова спархивали с бумаги и разлетались по комнате, утекали в слив кухонной раковины, вылетали из трубы нетопленного камина, пытались уползти, словно осы из банки с вареньем. Фотография, которую мы сделали весной в «Потерянных садах Хелигана», теперь висела на стене возле окна как-то криво. Из-за этого возникала иллюзия, что вода из озера вот-вот хлынет из своих берегов, зальет собой кремового цвета стены, обрушится потоком на разделочную доску, на которой ничего, кроме луковой шелухи, очень ломкой на вид, сейчас не лежало.

Комендантский час.

Хлеб.

Электроника.

Права.

Запрос.

Исполнение.

Что-то сродни игры в Ким¹, когда перед тобой выставляют на подносе несколько произвольных предметов и называют их по порядку, а затем ожидают, что, когда поднос унесут, ты сможешь по памяти их назвать.

— Нет смысла обо всем этом сегодня тревожиться, — впервые высказался худой солдат с очками на переносице.

Только он один, говоря со мной, смотрел мне прямо в глаза.

— Я и не тревожусь, — возразила я.

— Тогда спокойной ночи, — сказал он.

Время и впрямь было позднее.

— Спокойной ночи, — сказала я.

Я проводила солдат взглядом.

— Извините. А где вы ночуете? — задала я им вдогонку вопрос.

Коротышка замер у двери.

— Нигде, — сказал он.

Коротышка и мистер Аноним вышли.

Близорукий худой солдат помедлил пару секунд, а потом сказал:

— Мы будем в амбаре, недалеко, если что...

Совсем мальчишка. Я и буду его звать Мальчишкой.

Если бы я только знала, когда мы с мужем тратили свое время и деньги на ремонт амбара, что на самом деле мы обустроиваем барак, в котором со временем будут жить мои тюремщики... Они не первые, кто, вселившись туда, пытается контролировать каждый мой шаг. Они идут в этом по стопам Марка. Однажды мой муж вышел за ворота на заре, и с тех пор я его не видела. Сомневаюсь, что мне удастся так же легко избавиться от моих новых стражей.

Мои стражи... Мои тюремщики... Чем они будут заниматься днем? Чем они будут питаться? А что буду есть я? Теперь, когда они ушли, у меня появились вопросы, тысячи вопросов об одеялах, интернете, пище, телефонах, детях, помидорах, овцах, ванне, книгах, стрижке травы... Господи! Обо все на свете! Теперь я вновь почувствовала себя маленькой девочкой. Мне хотелось броситься за ними вдогонку, вцепиться маленькими ручонками

¹ Одна из любимых игр скаутов. Названа по имени главного героя романа Р. Киплинга «Ким», британского разведчика в Индии.

в их ноги и засыпать вопросами. Почему? Когда? Как? Кто? Я вернулась домой, не имея понятия, как буду здесь жить.

Время ложиться спать. Мне пришлось *заставить* себя подняться наверх. Пальцы помнили, где должен быть выключатель, но я предпочитала свету темноту. Я на ощупь добралась до моей кровати и, ничего с себя не снимая, залезла под пуховое одеяло, которое не пахло тюрьмой. Впрочем, домом здесь тоже не пахло. Было холодно. Я оставила жалюзи приоткрытыми. Хотелось видеть луну над Монтфордским лесом. Я буду вот так лежать и вести неспешную беседу с Велл. Что он думает о минувшем дне? Мы с ним обязательно к чему-то придем. Я буду считать овец. Без них не обойтись. Сон уже давно прячется от меня. Я буду составлять письма к тем, кого нет рядом. Они все равно меня не услышат. Мне нравится эта игра, и я люблю время от времени в нее играть. Я составляю письма к Марку, например. Я очень громко произношу его имя, чтобы увериться в том, что его рядом нет... Мои слова... Мое время... И вдруг, несмотря на гробовую тишину, несмотря на то что лишь стена отделяет меня от бездонной пустоты спальни мертвого ребенка, я в приливе счастья ударяю сжатыми в кулаки руками по кровати, потому что я вновь дома!

А еще я думаю о том, что, возможно, скоро пойдет дождь.

Я проснулась. В несвежей одежде мне было как-то неудобно. Я могу так лежать весь день, всю неделю, весь год... Мои волосы будут расти и со временем проткнут шерсть свитера так же, как молодые побеги плюща протыкают зеленый вязаный джемпер лесной подстилки. Солнце будет идти своим путем по небосводу... Солнечный зайчик отправится в путешествие от ярмарочной картинки, висящей над кроватью, к комоду, а оттуда к зеркалу в окрашенной голубой краской раме. А потом путешествие начнется с начала, а я все буду лежать и лежать, думать и думать, худеть и худеть, пока наступит день и я найду ответ, но к тому времени от меня ничего не останется, лишь отпечаток, хрупкая раковина прежде высокой женщины, прямая и пустая,

словно стебли дикой моркови, которые прорастают на обочине подъездной дорожки летом...

* * *

На ваш запрос обнаружено 83 соответствия.

Щелчок. «Маленький рай на берегу Северна...»

Щелчок. «Хотите уехать подальше от всего этого? Проще простого. Три кровати, два...»

Щелчок. «Ищите применения своим силам? Превратите этот амбар в замок и станьте в нем лордом...»

Так все начиналось... Марк и я сидели тогда в Лондоне, согбенные рабы ноутбука, и ругались из-за того, кто будет водить мышкой. Мы тогда верили, что кирпичи, строительный раствор и земля станут тем спасательным кругом, который вытянет нас из пучины склок и ссор, после двадцати двух лет брака успешных превратиться в герб нашего семейства.

— Найти что-нибудь подходящее будет нетрудно, — говорили мои коллеги в школе.

— За те деньги, которые у вас есть... — вторили им соседи.

Мы мечтали уехать из Лондона и жить в селе. Вообще-то это была мечта Марка, но он пожертвовал ею ради меня. Вслух он этого никогда не говорил, но было видно, что пришло время мне выплачивать ему свой долг. Марк так долго расплачивался за мой комфорт, что теперь стал полным банкротом, я же инвестировала в людей, работу и блага жизни, поэтому мысль распродать все и уехать из Лондона меня, признаться, обескураживала.

Стоя на краю трамплина для прыжков в воду, я, подобно ребенку, хотела и боялась сделать этот шаг в неизвестность. Мне хотелось ухватиться за поручни и спуститься вниз, вот только холодный бетон мира внизу также казался скользким из-за страха. В то же время мне хотелось окунуться в новый бассейн с чистой водой, жить, питаясь жизненными силами иного мира, не отравленного ненавистью, наконец полной грудью вдыхать свежий воздух... От Марка я заразилась желанием бросить все и начать новую жизнь в сельской местности. Однако мы поскользнулись и начали вновь скользить вниз. Это было долгим падением, и никого не оказалось рядом, кто мог бы бросить нам спасатель-

БЛАГОДАРНОСТИ

За долгие годы многие люди вольно или невольно помогли мне в моей работе. Здесь я смогу упомянуть лишь некоторых из них.

В самом начале были мои родители, которые любили меня, читали мне и моему замечательному брату Кристоферу, настоящему человеку эпохи Возрождения.

Позже, в разное время, я повстречала на своем жизненном пути многих великолепных учителей и замечательных товарищей среди студентов Клифтонского колледжа, колледжа Святой Анны в Оксфорде, на кафедре повышения квалификации Оксфордского университета и в Оксфордском университете Брукса. Большое спасибо всем, кто помогал мне учиться правильно читать и писать.

Далее следует упомянуть всех независимых издателей, которые так много делают для поддержки молодых писателей, в особенности Яна Форнута-Вуда из «Киннатон Пресс». Они приняли к публикации мои рассказы и стихи, чем укрепили мою уверенность, и я продолжила писать.

Когда роман «Тайна имени Велл» обрел свою форму, некоторые люди взяли на себя труд прочитать его и помогли в той или иной мере. Среди прочих следует упомянуть верных членов моего книжного клуба, пишущий квартет из «Элефант Рок», а также Анну Дэвис и Рейчел Фиппс из «Вудсток Букшоп». А еще не могу не сказать о Белле. Эта собака оказывала на мою работу весьма благотворное влияние.

Выражаю глубокую благодарность колледжу имени Люси Кавендиш в Кембридже за приз в номинации «Неопубликованная женская художественная литература». После этого все изменилось. И у меня появилась агент. Приношу сердечную

благодарность Жанель Эндрю и фантастической команде в «Питер Фрейзер энд Данлоп», в частности Рейчел, Марилии и Александре. Безграничный энтузиазм, пронизательный взгляд критика и прямолинейность Нелли трудно переоценить. Я придерживаюсь мнения, что ее следует клонировать.

А затем бесподобный «Кэнонгейт» и привилегия работать с Джейми, Дженни, Наташей, Викки и Рафи, сотворивших мне чудесную обложку для книги. Спешу выразить особую признательность моему редактору Луизе Джойнер, которая преподнесла мне дары мудрости, опыта, знаний и доброты в равной мере.

В апреле 2014 года Джейми Бинг собрал многих из иностранных издателей «Тайны имения Велл» в ресторанчике «Шеде» в Ноттинг-хилле. Я попросила всех собравшихся расписаться в моем меню. Не уверена, что мне еще раз посчастливится оказаться в обществе настолько одаренных людей, которые занимаются тем, что наводняют мир прекрасными книгами. Всем и каждому из них, а также тем, кто не смог довести дело до конца, — большое спасибо.

Наконец, от большого мира — к домашнему миру. Выражаю свою признательность Кристоферу, Джереми и Джессике, которые справились с непростой, как у акробата, задачей быть бесконечно любящими. Вы всегда меня поддерживали и не обижались на недостаток внимания, что позволило вашей маме твердо стоять на ногах. Саймон! Надеюсь, ты понимаешь, что если бы я не встретила тебя и не вышла за тебя замуж, то в этом мире мне не на что было бы рассчитывать. Еще раз большое тебе спасибо!

Літературно-художнє видання

ЧАНТЕР Кетрін
Таємниця маєтку Велл
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Координатор проекту *Т. М. Куксова*
Відповідальний за випуск *М. І. Коміна*
Редактор *О. В. Трефілова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *А. Г. Верьовкін*
Коректор *О. С. Калмикова*

Підписано до друку 06.07.2016. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 21. Наклад 8000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля».

Св. № ДК65 від 26.05.2000

61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.

Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.

www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ЧАНТЕР Кэтрин
Тайна имения Велл
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Координатор проекта *Т. Н. Куксова*
Ответственный за выпуск *М. И. Комина*
Редактор *Е. В. Трефилова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *А. Г. Веревкин*
Корректор *О. С. Калмыкова*

Подписано в печать 06.07.2016. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 21. Тираж 8000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

Св. № ДК65 от 26.05.2000

61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»

61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11

Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.

www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов, художников, переводчиков и редакторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

Помста — едине, про що ти можеш думати, коли гине твоя кровинка, єдиний онук. Помста поневолює твій розум. Вона вказує тобі, як чинити. Саме жага помсти говорити тобі, що хлопчиків допомогли потонути. Знайти винного і відплатити по заслузі! Саме так міркувала Рут Ардінґлі, укладаючи ідеальний план помсти.

Чантер К.

Ч18 Тайна имения Велл : роман / Кэтрин Чантер ; пер. с англ. О. Буйвола. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2016. — 400 с.

ISBN 978-617-12-1452-1 (Украина)

ISBN 978-5-9910-3682-5 (Россия)

ISBN 978-1-78211-360-7 (англ.)

Месть — единственное, о чем ты можешь думать, когда погибает твоя кровинушка, единственный внук. Месть порабощает твой разум. Она указывает тебе, что делать. Именно жажда возмездия говорит тебе, что мальчику помогли утонуть. Найти виновного и воздать по заслугам! Так размышляла Рут Ардингли, строя идеальный план мести.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)